

УДК 821.161.1-31

*Н.А. Макурина***ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРОДИЙНЫХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
ФОМА ОПИСКИН КАК ПАРОДИЙНАЯ ЗАГОТОВКА ОБРАЗА СТЕПАНА ТРОФИМОВИЧА
ВЕРХОВЕНСКОГО**

В статье Фома Опискин рассматривается как пародийная заготовка образа Верховенского-старшего, при конструировании которого Достоевский по-новому использует уже выводимые им ранее в «Селе Степанчикове» сатирически заостренные черты и характеристики героя-приживальщика, домашнего тирана. При этом подчеркивается, что в данном случае пародия выполняет особую функцию – не только и не столько осмеивает, окарикатуривает пародируемое явление, сколько становится средством выявления его глубины и многосложности. Отмечается также, что данная функция пародии (пародия как «второй аспект», «двойник» – терминология О. М. Фрейденберг) относительно романа «Бесы» реализуется не только в движении Достоевского от образа Фомы Опискина к образу Степана Трофимовича, но и внутри самого романа – в двойничестве Кармазинова и Верховенского-старшего.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, пародия, пародийный прием, пародийный предшественник.

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» традиционно рассматривается литературоведением как доказательная база для теории пародии, выдвинутой Ю. Н. Тыняновым. Однако Тынянов рассматривал пародийность произведения исключительно на материале образа Фомы Фомича Опискина, отсылающего к Гоголю времен «Выбранных мест из переписки с друзьями», в то время как пародийность повести намного сложнее, а пародийные приемы проявляются на всех уровнях организации текста и тоже весьма разнообразны. На это в разное время указывали В. В. Виноградов, Н. Н. Мостовская, С. А. Кибальник, Л. И. Сараскина, М. М. Бахтин и др.

Мысль о наличии в тексте «Села Степанчиково» типов и характеров, сюжетных перипетий и ситуаций, которые, будучи переработаны и переосмыслены автором, нашли отражение в позднем романном творчестве Достоевского, высказана и проиллюстрирована в монографии К. В. Мочульского «Достоевский. Жизнь и творчество». Исследователь проводит следующие параллели: Ростанев – Мышкин – Дмитрий Кармазов, Видоплясов – Смердяков. Роман «Бесы», по мнению исследователя, со «Степанчиковым» связывает образ «хромоножки» м-ль Лебядкиной, отсылающий к образу помещанной на амурах перезрелой девы Татьяны Ивановны.

Однако, на наш взгляд, значительно более важной линией преемственности между «Селом Степанчиковым» и «Бесами» представляется соотношение образов Фомы Фомича Опискина и Степана Трофимовича Верховенского.

Казалось бы, названные герои не должны иметь очевидных точек соприкосновения: они представляют разные психологические типы, по-разному написаны и совершенно по-разному воспринимаются читателями и критикой.

Оценивая масштаб героя «Бесов», Мочульский называет Верховенского одним из величайших созданий писателя, в образе которого «есть дыханье и теплота жизни» [8. С. 359]. «Единственным настоящим живым героем романа» считает Степана Трофимовича Г. М. Ребель, давая следующую оценку его роли в произведении: «Верховенский-старший <...> оказывается единственным противостоящим разгулявшимся бесам, морально ответственным и граждански состоятельным лицом. Более того, именно в его уста автор вкладывает свои сокровенные идеи, потому что больше их доверить *некому*» [9. С. 322].

О Фоме Опискине критика высказывается принципиально иначе: невежа, тиран, мучитель, напроць лишенный обаяния, которым щедро наделен Верховенский-старший. При этом Фома поражает своим гипнотическим воздействием на всех обитателей Степанчиково, и даже благополучный финал повести не освобождает героев от его паразитизма и тирании: именно Фома, по его собственному мнению и убеждению окружающих, «созидает всеобщее счастье».

И тем не менее, на наш взгляд, есть серьезные основания видеть в Фоме Опискине *пародийного предтечу* героя, явившегося из-под пера Достоевского спустя почти четверть века после публикации «Села Степанчиково».

Остановимся на конкретных деталях, позволяющих подтвердить это предположение.

Фома Фомич явился в дом к генералу Крахоткину «как приживальщик из хлеба» [6, С. 7]. Это в полной мере осознают все жители и гости Степанчиково. Открыто приживальщиком называют Опискина рассказчик-хроникер и господин Бахчеев. Сам Фома, превосходно понимая шаткость своего положения, в разговоре с полковником Ростаневым апеллирует к чувствам долга и вины приютивших его господ: «Меня могут счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствие унижать меня перед незнакомыми, тогда как я вам равен, слышите ли? равен во всех отношениях. Может быть, даже я вам делаю одолжение тем, что живу у вас, а не вы мне» [6. С. 73].

Для Степана Трофимовича, который видит себя преданным и драгоценным другом Варвары Петровны, воспитателем и учителем детей, мудрым советчиком, литератором и человеком науки, прояснение настоящего положения дел становится обидным открытием: «...друг мой, я открыл ужасную для меня... новость: Je suis un простой приживальщик et rien de plus! Mais r-r-rien de plus! [я лишь простой приживальщик и ничего более! Н-ничего более! (франц.)]» [7. С. 26].

В характеристиках обоих героев встречается и определение «шут». Попав к генералу Крахоткину как чтец и переписчик, Фома становится шутком. Правда, благодаря поразительной способности выворачивать в свою пользу даже самые компрометирующие факты собственной биографии, Фоме удается и этому обстоятельству найти благородное объяснение: «он не раз уверял нас всех, – сообщает рассказчик, – что, согласясь быть шутком, он великодушно пожертвовал собою дружбе; <...> чтоб развлечь и развеселить удрученного болезнями страдальца и друга» [6. С. 8]. Именно в «Селе Степанчикове» шутство предьявляется с той самой художественной выразительностью и угрожающей силой, какую имеет в виду Ю. И. Айхенвальд, выделяя как одного из типов Достоевского «человека-шута» [1. С. 102].

Для Степана Трофимовича аттестация «шут» становится очередной оплеухой от злоязыкого сына, который цинически интерпретирует отношения отца с Варварой Петровной Ставрогиной: «вы жили на взаимных выгодах: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальным шутком» [7. С. 239].

И Опискин, и Верховенский-старший играют в обществе «преувеличенную», не соответствующую (или не вполне соответствующую) реальному положению роль.

Фома Фомич сумел устроить так, что генеральша «питала к нему какое-то мистическое уважение, – за что? – неизвестно» [6. С. 8]. О Верховенском Хроникер сообщает следующее: «Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, – так даже, что, мне кажется, без нее и прожить не мог» [7. С. 7]. Причем присвоенные Степаном Трофимовичем и Фомой Фомичом роли принимаются и поддерживаются окружением, прежде всего вдовами, у которых оба героя находятся на содержании: генеральша Крахоткина перед Фомой благоговела, «не надышала на него, слышала его ушами, смотрела его глазами» [6. С. 11]; генеральша Ставрогина «охраняла его [Степана Трофимовича] от каждой пылинки, нянчилась с ним двадцать два года, не спала бы целых ночей от заботы, если бы дело коснулось до его репутации поэта, ученого, гражданского деятеля. Она его выдумала, и в свою выдумку сама же первая и уверовала. Он был нечто вроде какой-то ее мечты...» [7. С. 16].

Прошлое обоих героев окутано ореолом таинственности, но оба они, судя по красноречивым и настоятельным намекам, пережили страдания, степень которых ими самими вполне могла быть преувеличена. Фома Фомич якобы пострадал «за правду» в Москве, где служил и занимался литературой. Степан Трофимович охотно принимал на себя роль гонимого и ссыльного, о чем, впрочем, Хроникер с иронией замечает, что тот не только не был в ссылке, но даже не находился под особым присмотром, а неудачи в немалой степени были плодом мнительности: «...он тогда самбициозничал и с особенною поспешностью распорядился уверить себя раз навсегда, что карьера его разбита на всю его жизнь “вихрем обстоятельств”» [7. С. 10].

Заметим здесь между прочим, что повесть «Село Степанчиково» и роман «Бесы» сближает и схожесть субъектов повествования – в обоих случаях Достоевский доверяет рассказ непосредственным наблюдателям, участникам действия – рассказчикам-хроникерам, все оценочные высказывания которых носят субъективный характер и определяются степенью их осведомленности, личной причастностью сюжетным перипетиям, отношением к описываемым героям, поэтому вряд ли можно воспринимать их слова как неоспоримую истину. Ребель, обращаясь к оценочным суждениям Хроникера, делает важную для нас оговорку, называя его посредником, «который мельтешит между событиями и читателем не только для того, чтобы прояснить, но подчас и для того, чтобы затемнить ситуа-

цию, а во-вторых, он и сам признается, что «слишком многое <...> упустил из виду», к тому же кардинально ошибся в прогнозе» [9. С. 333].

И Фома, и Степан Трофимович – литераторы, чья писательская деятельность прервалась, так и не успев начаться. Правда, по сравнению с безвестным за пределами Степанчиково Фомой Фомичом, Степану Трофимовичу удалось достичь на этом поприще кое-каких успехов: «его имя, – замечает Хроникер, – многими тогдашними торопившимися людьми произносились чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшего тогда за границей Герцена» [7. С. 8]. Правда, степень популярности Верховенского тотчас иронически опровергается тем же Хроникером, обнаружившим рукопись одной из либеральных поэм, «ходившей по рукам, в списках, между двумя любителями и у одного студента» [7. С. 9]. Тем не менее, в отличие от сочинений Фомы Фомича – по замечанию рассказчика, необыкновенной дряни, – эта вещь, по оценке Хроникера, «не без поэзии и даже не без некоторого таланта; странная, но тогда (то есть вернее в тридцатые годы) в этом роде часто пописывали» (Там же).

«Писательская карьера» Фомы Фомича Опискина и Степана Трофимовича Верховенского складывалась по-разному. В Степанчикове Опискин занимается составлением многочисленных эпиграмм для мавзолея генерала Крахоткина. Оставшиеся же после смерти Фомы Фомича рукописи – это набор не связанных между собой ни в жанровом, ни в тематическом плане текстов, включающий и начало исторического романа, действие которого разворачивается в Новгороде VII столетия, и поэму «Анахорет на кладбище», написанную белыми стихами, и рассуждение о значении и свойстве русского мужика, и неоконченную повесть «Графиня Влонская» из великосветской жизни. Сами названия произведений пародийны и не только отсылают читателя к традиционным сочинениям названных жанров, популярным в соответствующую эпоху, но и обнажают, во-первых, невежество Фомы (как указывает в комментарии к повести А. В. Архипова, Новгород в VII веке не существовал – город был основан на два века позже [3. С. 528]); во-вторых, претензию на жанрово-тематическую всеохватность. О творческом наследии Верховенского известно только то, что на пике своей карьеры он создал диссертацию о «гражданском и ганзеатическом значении» немецкого городка Ганау, «в эпоху между 1413 и 1428 годами» [7. С. 8]; опубликовал в одном прогрессивном журнале «начало одного глубочайшего исследования – кажется, о причинах необычайного нравственного благородства каких-то рыцарей в какую-то эпоху или что-то в этом роде» [7. С. 9] и написал уже названную либеральную поэму, напоминающую вторую часть Фауста. И в этот скромный список, как и в случае с литературным творчеством Опискина, проникает пародийный элемент: журнальная публикация дискредитируется Хроникером за счет сопоставления эпитета «глубочайшее исследование» с неопределенными местоимениями «каких-то», «какую-то», «что-то». По замечанию комментатора романа, Н. Будановой, названия научных трудов Верховенского отсылают к работам Грановского [4. С. 797]. «“Фауст”, – пишет в свою очередь Ребель, – вполне возможный намек не только на одноименную поэму Грановского, но и на повесть Тургенева с соответствующим названием» [9. С. 316].

Оба героя рассматривают свою литературную деятельность как миссию. Фома Фомич уверил жителей Степанчиково в том, что ему предстоит совершить гражданский подвиг – «написать одно глубокомысленнейшее сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдет всеобщее землетрясение и затрещит вся Россия» [6. С. 13]. Степан Трофимович, лишившийся под «вихрем обстоятельств» статуса литератора, задумывает большой научный труд – однако, как докладывает Хроникер в самом начале романа, «в науке он сделал не так много и, кажется, совсем ничего» [7. С. 8].

Для Опискина одним из способов обозначить в обществе свою причастность к литературе была потребность в выписываемых Ростаневым за большие деньги книгах и журналах, по поводу чего рассказчик не без иронии замечает: «многие из них оставались даже неразрезанными» [6. С. 130]. Верховенский, напротив, «газеты и журналы, выписываемые Варварой Петровной во множестве, <...> читал постоянно» [7. С. 19].

Еще одно знаменательное совпадение: и Фома Фомич, и Степан Трофимович уличаются рассказчиками в тайном увлечении популярным в 1840-е гг. французским романистом Поль де Коком. «Бывало и то: возьмет с собою в сад Токевиля, а в кармашке несет спрятанного Поль де Кока» [7. С. 19], – говорится о Степане Трофимовиче. «Я же, впоследствии, не один раз заставал Фому за Поль де Коком, которого он прятал при людях куда-нибудь подальше» [6. С. 130], – вспоминает рассказчик. Произведения Поль де Кока русской критикой оценивались как безнравственные и фривольные. Достоевский, очевидно, транслируя эту оценку, делает увлечение Поль де Коком характерологической чертой своих

героев, по которой можно судить об их истинном вкусе и направлении мыслей. Поль де Кок, несмотря на строгую критику, был очень любим читателями 30-40-х годов, и, как пишет Л. П. Гроссман, «Достоевский с его жадной литературной впечатлительностью не остался вне этого общего увлечения» [5. С. 38] и многому научился у французского бульварного романа XIX века.

Есть здесь и чрезвычайно красноречивая смысловая и словесная переключка: глава девятая второй части романа «Бесы» называется «Степана Трофимовича описали». Это «описали» (то есть произвели обыск, опись и изъятие бумаг), похоже, восходит к Опискину – но не буквально, а ассоциативно и иронически. «Вон и Фома грозился меня описать» [6. С. 28], – жалуется Бахчеев рассказчику в самом начале истории, буквализируя таким образом фамилию Опискин.

Используя детали, из которых складывается образ Фомы Опискина, Достоевский спустя годы создает героя с совершенно иными жизненными и нравственными установками. Если основная цель Фомы Фомича заключалась в том, чтобы уверить всех в своем литературном призвании, то Степан Трофимович не стремился к тому, чтобы прикрываться литературством, как маской. В то время, как Степан Трофимович проявляет живой интерес к литературе, Фома способен только на пародийное искажение этого интереса.

Оба героя причастны идеям либерализма, однако в случае Степана Трофимовича это причастность содержательная: в образе его действительно предьявлен либерал 1840-х годов, в то время как Фома не прочь воспользоваться либеральной идеей для упрочения собственной власти над окружающими и исполнения своих прихотей.

Оба они «далеки от народа». «Умный русский мужичок» и для Опискина, и для Верховенского остается неразгаданной тайной. Однако, в отличие от Степана Трофимовича, Фома к разгадке этой тайны не стремится – её для него не существует, он полон уверенности в том, что ему известны потребности крестьянина (поэтому Гаврила, по его требованию, учит французский, а Фалалею запрещено плясать). Проявление же крестьянского любопытства к своей собственной персоне и Фома Фомич, и Верховенский воспринимают как посягновение на личное пространство и даже выражают один – свое недовольство, другой – свое недоумение с помощью схожих выражений. Фома Фомич, отвечая на показавшийся ему фамильярным вопрос крестьянина, возмущается вслух и сдобривает свою реплику ругательством: «А тебе какое дело, пехтерь?» [6. С. 16] Степан Трофимович, примостившийся в телеге рядом с крестьянкой и мужиком, искренне (про себя и в невиннейших выражениях) недоумеваает, почему их интересует его маршрут: «...и какое дело, в Спасов я или не в Спасов? Впрочем, я им заплачу, так чего же они пристают?» [7. С. 484].

Оба героя высказывают свое мнение о проявлении народности в искусстве. В этом смысле примечательны две переключившиеся сцены, в каждой из которых фигурирует русская плясовая песня о Камаринском мужике.

Фома распекает дворового Фалалея за то, что тот танцевал Камаринскую, и, пытаясь дать собственную интерпретацию песне, выворачивает, искажает ее смысл: «Этот мужик, вместо того чтобы трудиться для блага своего семейства, напился пьян, пропилил в кабаке полушубок и пьяный побежал по улице. В этом, как известно, и состоит содержание всей этой поэмы, восхваляющей пьянство» [6, С. 68].

Степан Трофимович, выступая с тирадой, направленной против славянофилов, разгорячившись, заключает: «Русская деревня, за всю тысячу лет, дала нам лишь одного комаринского [орфография Достоевского. – Н.М.]» [7. С. 31]. Здесь нет оценки самой плясовой, однако общий смысл фразы – снижающий, констатирующий творческую несостоятельность «деревни». Оценивая одно и то же явление отрицательно, Фома Фомич и Степан Трофимович, тем не менее, являют читателям противоположные стороны своих характеров – если Фома не понимает ни деревни, ни народного искусства, то Степан Трофимович, скорее, не принимает русской деревни в том состоянии, в каком он себе ее представляет.

Выступая в роли литератора-интерпретатора, Фома Фомич искажает смыслы, переворачивает объект обсуждения вверх тормашками. В результате и речь его – сплошное кривляние. Опискин разрушает и переиначивает идиоматические выражения («Я вас давно раскусил, я вас насквозь понимаю!» [6. С. 73] – сообщает Фома Фомич полковнику Ростаневу), речи Фомы облечены в подчеркнuto-торжественные формы («ваша мать, так сказать, виновница дней ваших» [6. С. 9], «вы бы должны были вырвать с корнем волосы из головы своей и испустить ручьи... что я говорю! реки, озера, моря, океаны слез!..») [6. С. 10] и т.д). Речевые ужимки Фомы – отражение психологии героя, его невежест-

ва, глупости, амбициозности, перевернутого, «извращенного» способа мышления. Юмор, смеховая культура недоступны его восприятию.

Стилистические искажения допускает и Степан Трофимович – речь его тоже нарочито возвышенна, полна метафор, фразеологизмов и французских включений. И если в светском обществе, в кругу его постоянного общения, эта черта позволяет обнаружить в нем собеседника деликатного и образованного, а также помогает поддержать авторитет человека науки и искусства, то в разговоре за крестьянским столом кажется смешным чудачеством:

«– Как жирно и как это вкусно! И если бы только возможно un doigt d'eau de vie.

– Уж не водочки ли, господин, пожелали?

– Именно, именно, немножко, un tout petit rien.

– На пять копеек, значит?

– На пять – на пять – на пять – на пять, un tout petit rien, – с блаженной улыбочкой поддакивал Степан Трофимович» [7. С. 485].

Здесь следует заметить, что Степаном Трофимовичем движет не озлобленность и невежество, а безобидное и наивное непонимание всех обстоятельств речевой ситуации.

Отметим еще одно текстуальное совпадение. Доведя до полного отчаяния полковника Ростанева, решившегося просить Фому покинуть имение, Фома Фомич угрожает: «И будьте уверены, что завтра же я отрясу прах с моих сапогов на пороге этого дома» [6. С. 84]. Степан Трофимович, оскорбленный на литературном празднике Юлии Михайловны напоминанием семинариста о проигранном им в карты Феньке Каторжном, использует тот же библейский фразеологизм: «Отрясаю прах ног моих и проклинаю...» [7. С. 374]. Но если для Фомы Фомича угроза оставить Степанчиково – манёвр, то для Степана Трофимовича уход – это решение, которое он собирается исполнить и исполняет. Пародийный в «Селе Степанчикове» жест становится в «Бесах» реальным поступком, определяющим судьбу героя и поднимающим его над самим собой.

Оба героя создаются Достоевским с оглядкой на современную ему литературную жизнь, а потому в них отражаются и с легкостью узнаются фигуры прототипов-литераторов. Среди возможных реальных прототипов Фомы Опискина исследователями назывались Гоголь, Полевой, Кукольник, Белинский, Петрашевский, сам Достоевский. Условно обозначив в черновиках романа «Бесы» будущего Степана Трофимовича фамилией Грановский, Достоевский предопределил направление исследовательской мысли. Однако Степан Трофимович Верховенский – образ, восходящий не только к личности историка и общественного деятеля Тимофея Николаевича Грановского. Мочульский считает его «синтетическим образом русского идеалиста 40-х годов» [8. С. 146], в котором заимствованы черты Боткина, Чичерина, Герцена и даже Белинского. М. С. Альтман в «Этюдах по Достоевскому» среди прототипов, помимо Грановского, называет Тургенева, Яновского и Кукольника [2. С. 495-498].

Обнаруживается в «Бесах» и сложная литературная пародия, которую мы для удобства назовём внутритекстовой (то есть, такой, в которой пародируются, выворачиваются наизнанку слова и идеи персонажей, действующих внутри данного художественного мира). И.С.Тургенев увидел в тексте романа пародию на свои произведения и, главное, на себя самого, о чем писал М. А. Милутиной в декабре 1872 г.: «Д<остоевский> позволил себе нечто худшее, чем пародию “Призраков”; в тех же “Бесах” он представил меня под именем Кармазинова тайно сочувствующим нечаевской партии» [10. С. 71]. И хотя «великий писатель» Кармазинов – наиболее яркий и агрессивный выпад Достоевского против своего оппонента, в исследовании Ребель обнаруживаем аргументы в пользу того, что в образе Степана Трофимовича тургеневских черт едва ли не больше, чем в Кармазинове, который оттягивает на себя «общий для них с Верховенским-старшим поколенческий и идеологический негатив», в результате чего «образ Степана Трофимовича обретает человеческую полноту и комическое обаяние» [9. С. 322]. Ребель обнаруживает многоярусный характер пародии в романе «Бесы»: изначально задуманный Достоевским как пародия, Степан Трофимович по ходу романа от своей пародийности очищается, получив в пару карнавального двойника: «Кармазинов – это во всех смыслах поверхностная, плоская, вторичная фигура, карнавальная двойник Верховенского-старшего» [9. С. 309]. Таким образом, прибегая к пародии, Достоевский расподобляет собственно пародийного персонажа и его полнокровного двойника-антипода: под плоть, заготовленную для западников, попадает Кармазинов, а обличение «бесов» становится миссией Верховенского-старшего. При этом Степан Трофимович имеет не только пародийного двойника внутри «Бесов», но и пародийный прототип в образе Фомы Опискина. Иными словами, в этом случае пародия появилась раньше, чем «оригинал».

Следует подчеркнуть, что пародия обладает свойством не только окарикатуривания явления, но и более сложного, многогранного его освещения. Об этом на материале античной литературы, обрядов и литературных мистерий размышляет О. М. Фрейденберг: «В пародии лежит не маскирование в нашем современном понятии и не отсутствие, как кажется, содержания: в ней лежит усиление содержания, усиление природы богов, и смеется она не над ними, а только над нами, и так удачно, что до сих пор мы принимаем ее за комедию, имитацию или сатиру»; пародия *не только* «имитация, высмеиванье или передразниванье. Пародия есть архаическая религиозная концепция “второго аспекта” и “двойника”, с полным единством формы и содержания» [11. С. 496-497].

Вот эта функция пародии как «второго аспекта» и «двойника» и реализована в творчестве Достоевского в движении от образа Фомы Фомича Опискина к образу Степана Трофимовича Верховенского, а также внутри самого романа «Бесы» – в двойничестве Кармазинова и Верховенского-старшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айхенвальд Ю.И. Достоевский // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. В 3 выпусках. Вып. 2. М. 1908.
2. Альтман М.С. Этюды по Достоевскому // Изв.АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 22. Вып. 6. 1963.
3. Архипова А.В. Комментарии: Ф.М.Достоевский. Село Степанчиково // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 3.
4. Буданова Н.Ф. Комментарии: Ф.М.Достоевский. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1988.
5. Гроссман Л.П. Поэтика Достоевского. М.: Государственная академия художественных наук (история и теория искусств. Выпуск 4-ый). 1925.
6. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 3. Л.: Наука, 1972.
7. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974.
8. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris, 1980.
9. Ребель Г.М. Герои и жанровые формы романов Тургенева и Достоевского (Типологические явления русской литературы XIX века). Пермь: ПГПУ, 2007.
10. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 12. М.: Наука, 2000.
11. Фрейденберг О. М. Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973.

Поступила в редакцию 01.08.15

N.A. Makurina

TRANSFORMATION OF PARODY CHARACTERS IN THE FYODOR DOSTOEVSKY'S WORKS: THOMAS OPISKIN AS A PARODY BLANK OF STEPAN VERKHOVENSKY'S IMAGE

The author of the article considers Thomas Opiskin as a parody blank of Stepan Verkhovensky Sr.'s image. Designing this image, Dostoevsky uses in new ways satirically pointed features and characteristics of a hero-toady, a domestic tyrant, displayed earlier in “The Village Stepanchikovo”. It is emphasized that in this case parody has a special function: not merely to ridicule and caricaturize a parodied thing, but also to reveal its depth and polysyllabic nature. It is also noted that this function of parody (parody as a “second aspect”, “a double” – the O. Freidenberg's terminology) regarding the novel “Demon” is realized not only in the movement of Dostoevsky from the image of Thomas Opiskin to the image of Stepan Trofimovich, but also within the novel itself – in the duality of Karmazinov and Verkhovensky senior.

Keywords: F.M. Dostoevskiy, parody, parody technique, parody predecessor.

Макурина Надежда Андреевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» 614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24 E-mail: smertpopse@bk.ru

Makurina N.A., postgraduate student at Department of Russian and foreign literature Perm State Humanitarian Pedagogical University 614990, Russia, Perm, Sibirskaya st., 24 E-mail: smertpopse@bk.ru